

ВОСПОМИНАНІЯ

О ВЕРХНЕ-АБАДЗЕХСКОМЪ ОТРЯДЪ,

съ 1-го сѣнтября 1861 по мартъ 1862 г.

(По поводу статьи г. Гейнса въ № 1 Военн. Сборника за 1866 г.)

Г. Гейнсъ, въ краткомъ обзорѣ, предпосылаемомъ имъ къ своей статьѣ, описывая дѣйствія верхне-абадзехскаго отряда, говоритъ, что первое дѣло, которое имѣли войска наши съ абадзехами, было дѣло апшеронцевъ 2-го марта 1862 года. Далѣе онъ говоритъ, что будетъ подробно описывать дѣла пшехскаго (бывшаго верхне-абадзехскаго) отряда со времени прибытія его самого, г. Гейнса, къ этому отряду, т. е. съ занятія Пшехи, и прибавляетъ: „смѣло можно надѣяться, что кавказскіе товарищи не оставятъ этого пробѣла непополненнымъ“. Пробѣлъ же г. Гейнсъ оставилъ очень большой: *серьезныя дѣла наши съ турцами начались не со 2-го марта 1862 года, а съ 20-го ноября 1861 года.*

Какъ участникъ многихъ дѣлъ, бывшихъ въ этотъ періодъ времени, я намѣренъ пополнить оставленный г. Гейнсомъ пробѣлъ. Правда, редація „Военнаго Сборника“ общаетъ подробный обзоръ дѣятельности пшехскаго отряда со времени его образованія до ноября 1862 года (*), но позволяю себѣ надѣяться, что нѣкоторыя подробности, приводимыя мною, не будутъ лишними въ числѣ матеріаловъ для будущей исторіи достопамятной кавказской войны. Статья моя обойметъ краткій пе-

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1866 г., № 7.

ріодъ времени: съ выступленія верхне-абадзехскаго отряда къ Фарсу до конца февраля 1862 года, когда полученная мною рана принудила меня покинуть славный Кавказъ. Съ тѣхъ поръ прошло слишкомъ четыре года, я уже успѣлъ позабыть многія имена, числа, мелкія подробности, но общій характеръ этого періода кавказской войны хорошо вѣзался въ моей памяти, а потому рассказъ мой если и не будетъ совершенно полный, за то добросовѣстно передастъ общій характеръ этого времени.

Въ концѣ августа верхне-абадзехскій отрядъ перешелъ отъ Хамкетовъ на позицію къ рѣкѣ Фарсу, гдѣ мы должны были встрѣтить и принять Государя Императора, который, въ скоромъ времени, полагалъ прибыть сюда повидаться со своими кавказскими молодцами. Позиція на Фарсѣ (гдѣ теперь Александровская станица) была выбрана какъ нельзя удачнѣе: правый берегъ Фарса нѣсколькими уступами поднимался къ большой площадкѣ или къ плацу, какъ бы нарочно устроенному природой для того, чтобы мы пропарадировали на ней предъ Государемъ. Съ трехъ сторонъ площадка эта ограничивалась крутыми обрывами: съ одной стороны къ Фарсу, съ двухъ къ лѣсистымъ возвышенностямъ. Лѣвый берегъ, пологій, усѣянный небольшими рощицами, въ перемежку съ кукурузными полями, вдали заканчивался глубокимъ ущельемъ Фарса, изъ-за котораго виднѣлся сѣдой Оштейнъ. Въ ожиданіи отрядъ приготовлялся встрѣтить Его Величество: работалъ дорогу къ Хамкетамъ, занимался фронтомъ и учился церемоніальному маршу (что для кавказскаго солдата въ большую диковинку), убирался, принаряживался, готовилъ костры для иллюминаціи и проч. Лагерь былъ расположенъ на верхней площадкѣ; только два стрѣлковые баталіона были выдвинуты на нижній уступъ и составляли какъ бы авангардъ. На выдающемся углу площадки были построены великолѣпная ставка для Государя, другая ставка для свиты и столовая. Абадзехи тоже съ нетерпѣніемъ, меньшимъ нашего, ожидали Его Величество. До тѣхъ поръ, со времени хамкетивскаго договора Филипсона, у насъ сохранялся съ ними наружный миръ, не было слышно ни о перестрѣлкахъ, ни о грабежахъ, и мы ихъ не тревожили. Но, съ пріѣздомъ Государя, должно было прекратиться это неопредѣленное положеніе: мы уже были готовы перенести наши дѣйствія за Фарсѣ (за который, какъ говорили абадзехи, они насъ

не пустятъ) и силой вынудить ихъ исполнить наши требованія. Абадзехи хорошо это понимали, но не отступали отъ своихъ требованій. Отъ Государя они ожидали рѣшенія своей участи, а потому, ко дню его пріѣзда, на противоположномъ берегу Фарса, собралось огромное скопище горцевъ. Это были какъ бы два лагеря, раздѣленные Фарсомъ, два близкихъ и сильныхъ сосѣда, пока еще сохранявшіе наружную дружбу, но для которыхъ Фарсъ не составилъ бы препятствія, чтобъ броситься другъ на друга и начать рѣзню.

Государь пріѣхалъ къ намъ въ бурю, подъ проливнымъ дождемъ, что однако не помѣшало войскамъ восторженно встрѣтить Его Величество. На другой день, кавказское солнце озарило передъ монархомъ великолѣпную кавказскую боевую картину: раскинутый по площадкѣ и надъ нею лагерь, выстроенныя для парада войска, толпы горцевъ на другомъ берегу и свѣговой Општейнъ, вѣнчающій всю эту картину... Пропустивъ мимо себя войска церемоніальнымъ маршемъ, Государь Императоръ милостиво благодарилъ ихъ. Затѣмъ явились къ Его Величеству депутаты отъ горцевъ. Мы, фронтовые офицеры, непосвященные въ штабныя тайны, знали однако, что переговоры кончились ничѣмъ. Слышали мы, что горцы предлагали намъ проводить по ихъ землѣ просѣки, строить укрѣпленія, но не хотѣли допустить у себя постройки станицъ. Говорили, что графъ Евдокимовъ рѣшительно возсталъ противъ этого, и горцамъ было объявлено, что если они безусловно не подчинятся, то ихъ принудятъ къ тому силою. Обѣдалъ Государь, со своей свитой, въ открытой столовой, вечеромъ пилъ чай на уступѣ площадки, при чемъ милостиво бесѣдовалъ съ офицерами. А кругомъ его, и наверху и внизу, толпились солдаты, пѣли пѣсни, гудѣлъ тулумбась, раздавались безпрестанно крики ура! И все это покрывала лунная, тихая, теплая, южная кавказская ночь....

На другой день Государь Императоръ уѣхалъ на Лабу. Отрядъ же принялся за обыкновенныя отрядныя занятія: расчищалъ мѣсто для станицы, рубилъ просѣку къ Нижне-Фарской, а въ половинѣ сентября перешелъ къ этой станицѣ и сталъ около нея лагеремъ. Отсюда онъ продолжалъ расширять ту же просѣку. Работы эти производились безъ всякой помѣхи со стороны горцевъ; только разъ, воровскимъ образомъ, былъ убитъ солдатъ, пошедшій къ ручью напиться воды.

Наконецъ, въ началѣ ноября, верхне-абадзехскій отрядъ покинулъ свою лагерную стоянку у Нижне-Фарской станицы и перешелъ обратно на царскую позицію, гдѣ въ сентябрѣ встрѣчалъ Государя. 7-го ноября отрядъ, отправивъ обозъ чрезъ Нижне-Фарскую станицу въ Майкопъ, съ одними выюками, перешелъ Фарсъ. Мы ожидали дѣла, такъ какъ горцы постоянно говорили, что не дадутъ намъ перейти черезъ рѣчку; но, несмотря на то, несмотря на лѣсную чащу, окружавшую со всѣхъ сторонъ выючную севернѣйшую дорогу, по которой мѣстами можно было пройти только по одному человѣку, горцы не сдѣлали по насъ ни одного выстрѣла. Объясняли это тѣмъ, что погода, тихая и ясная при переходѣ нашемъ черезъ Фарсъ, вдругъ измѣнилась: сперва покрылъ насъ туманъ, потомъ полилъ дождь, затѣмъ посыпалась крупа и наконецъ повалилъ снѣгъ, что, можетъ быть, и помѣшало горцамъ, съ ихъ кремневыми ружьями, исполнить свою угрозу. Аулы, стоявшіе по нашему пути, были покинуты, и мы благополучно достигли Фюнота. Тутъ отрядъ имѣлъ ночлегъ, одинъ изъ тѣхъ пріятныхъ кавказскихъ ночлеговъ, когда людей, спящихъ въ повалку безъ палатокъ, влпоть заноситъ снѣгомъ. Но все это ничемъ кавказскому солдату: рюмка водки на утро, и о ночлегѣ ни помину.

8-го отрядъ благополучно, безъ выстрѣла, пройдя 40 верстъ враждебной страны, дошелъ до Майкопа, гдѣ его ожидалъ обозъ, отправленный изъ Нижне-Фарской. Разбились палатки, и снова пошла веселая, беззаботная, шумная лагерная жизнь. Два дня оставался отрядъ подъ Майкопомъ, откуда его двинули къ такъ называемому Ханскому броду. Рѣдко можно найти на Кавказѣ болѣе удобную лагерную позицію, какъ эта: совершенно ровная, огромная поляна простиралась по правому берегу Бѣлой до самаго Бѣлорѣченскаго укрѣпленія и далѣе, до Кимьярмесса, большаго лѣса верстахъ въ трехъ отъ Бѣлой. Противоположный же, лѣвый берегъ былъ совсѣмъ другаго характера: гористый, лѣсистый, онъ не представлялъ удобства къ занятію. Абадзехи, хорошо понимая это, объявляли теперь, что не допустятъ насъ перейти черезъ Бѣлую. Но мы не слишкомъ-то много обращали вниманія на ихъ разговоры и, тотчасъ по приходѣ къ Ханскому броду, построили временной мостъ, по которому колонны каждый день стали переходить на лѣвый берегъ для рубки лѣса на прилегавшихъ возвышен-

ностяхъ, съ тѣмъ, чтобъ обезпечить будущій постоянный мостъ и станицу отъ выстрѣловъ горцевъ, а ихъ лишить удобныхъ мѣстечекъ, откуда они могли бы насъ постоянно тревожить. Колонны состояли изъ пяти или шести баталіоновъ и изъ нѣсколькихъ орудій; рано утромъ переходили онѣ черезъ временной мостъ, а къ вечеру возвращались въ станицу.

Хотя абадзехи и не исполнили своей угрозы и нѣсколько дней ни однимъ выстрѣломъ не тревожили нашихъ работъ на лѣвомъ берегу, однако лазутчики каждое утро давали намъ знать, что собирается большая партія для нападенія на насъ. Такъ какъ подобныя ежедневныя вѣсти не приводились въ исполненіе, то мы перестали имъ вѣрить. Русская безпечность взяла свое: осторожные вначалѣ, мы потомъ кое-какъ стали разставлять пикеты и прикрытія къ нимъ. Оказалось между тѣмъ, что слухи, приносимые лазутчиками, не были ложны, и что абадзехи дѣйствительно не расположены пустить насъ безъ выстрѣла на лѣвый берегъ Бѣлой: 20-го ноября, въ полдень, партія отъ 400 до 500 человекъ незамѣтно подкралась къ пикетамъ Кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, гинула и мигомъ сбросила ихъ съ гребня возвышенностей. Мгновенно поднялась тревога. Двѣ роты кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, не дожидаясь приказанія начальника колонны, крикнули „ура!“ и устремились на горцевъ. Трудно было лѣзть гренадерамъ по двумъ тропинкамъ, подъ выстрѣлами, почти въ упоръ закрытаго непріятеля, однако они взобрались на гребень и сбили горцевъ. Изумленные такой отвагой, горцы оторопѣли, но, придя въ себя, увидѣли малочисленность двухъ ротъ (отъ каждой роты полувзводъ оставлялся въ лагерь) и опять бросились, чтобъ опрокинуть нашихъ стрѣлковъ съ гребня. Стрѣлки предупредили ихъ натискъ: крикнули „ура!“ кинулись въ штыки и погнали горцевъ, такъ что когда подошли подкрѣпленія (линейцы, кабардинцы и проч.), абадзехи уже бѣжали. Это блистательное дѣло стоило стрѣлкамъ убитыми 8 человекъ, ранеными одного оберъ-офицера (штабсъ-капитана Генумонда) и человекъ 10 нижнихъ чиновъ, да у казаковъ ранены нѣсколько человекъ и маіоръ Пистолькорсъ, начальникъ казачьей сотни, смѣло устремившійся съ нѣсколькими своими казаками на выручку гренадеръ. Горцамъ день этотъ обошелся, конечно, гораздо дороже: въ рукахъ нашихъ осталось нѣсколько тѣлъ, и долго еще послѣ того абадзехи,

пріѣзжавшіе къ намъ въ отрядъ, вспоминали о молодецкомъ дѣлѣ: „шайтанъ-гяуръ стрѣлка“, говорили они о неудержимой стремительности гренадерскихъ стрѣлковъ. И дѣйствительно: солдаты, утомленные долгимъ бездѣйствіемъ, до того развирѣпли, что трудно было ихъ остановить; они не давали пощады горцамъ, докалывали ихъ раненыхъ.

Въ тотъ же самый день, абадзехи напали на колонну линейнаго баталіона, вышедшую за сѣномъ изъ отряда полковника Горшкова, стоявшаго ниже Майкопа, на Бѣлой и Фюфетѣ.

Итакъ, съ этого дня, 20-го ноября, кончились наши неопредѣленные отношенія къ абадзехамъ. Мы поздравляли другъ друга съ началомъ войны. Да и было съ чѣмъ: Кавказъ невыслимъ безъ трудовъ и перестрѣлокъ. Трудовъ нашему отряду пришлось перенести не мало. Добрый кавказскій солдатъ, становившійся въ это время чернорабочимъ, сильно утомлялся, и работы надоѣли ему. Но всякіе труды были ему нипочемъ, если приходилось отстрѣливаться отъ назойливаго горца, прогонять его штыкомъ и прикладомъ, если горецъ ужъ черезчуръ дѣлался нахаленъ. Для офицеровъ же особенно завлекательно было боевое время: тутъ и чинъ, и орденъ въ перспективѣ; а сколько разговоровъ, предположеній! Безъ боя не весело было сидѣть на пнѣ или на камнѣ и любоваться, какъ солдаты лѣсъ рубятъ или валъ насыпаютъ! Въ лагерь же скука, однообразіе: читаешь-читаешь, надоѣсть, и пойдешь слоняться изъ палатки въ палатку, пока доберешься или до водки, или до зеленого стола.

Съ 20-го ноября начались каждый день перестрѣлки: абадзехи уже не скрывали своего намѣренія не отдавать намъ пяди земли безъ боя, а мы не хотѣли отказываться отъ своего плана. Отрядъ продолжалъ рубку на лѣвомъ берегу Бѣлой: горцы стрѣляли по насъ, однако съ почтительнаго разстоянія, не рѣшаясь испытать новаго угощенія въ родѣ 20-го ноября. И начальникъ нашего отряда, генералъ Тихоцкій, дѣйствовалъ осторожно; отрядъ рубилъ лѣсъ у самой рѣки, не подаваясь далеко на возвышенности. Колонны каждое утро переходили мостикъ: порубятъ, пострѣляютъ, а вечеромъ назадъ, принося на носилкахъ одну или нѣсколько жертвъ минувшаго дня. Въ одну изъ такихъ постоянныхъ перестрѣлокъ былъ тяжело раненъ, любимый всѣмъ отрядомъ, командиръ кабардинскаго стрѣлковаго баталіона, М. Н. Граббе. Лишь только колонна

вернется въ лагерь, пикеты абадзехскіе займутъ свои мѣста на гребню возвышенностей и костры ихъ горятъ по цѣлымъ ночамъ. Мы любовались другъ другомъ, потому что выстрѣлы наши изъ лагера не достигали ихъ, а выстрѣлы противника до насъ и подавно. Иногда только охотники наши по ночамъ спугивали непріятельскіе пикеты. Партии все время держались кругомъ отряда; порой показывались большія толпы на высокой песчаной скалѣ, вдавшейся въ Бѣлую, верстахъ въ четырехъ ниже лагера, на Шеханѣ, какъ звали ее солдаты. Оттуда абадзехи наблюдали за нами, даже, можетъ быть, совѣщались; но ни разу не предпринимали ничего рѣшительнаго. За то грабительства и разбой начались съ особеннымъ рвеніемъ. Сильное впечатлѣніе на весь отрядъ произвелъ слѣдующій печальный случай: изъ Майкопа въ отрядъ шла колонна, какъ обыкновенно, подъ прикрытіемъ двухъ-трехъ ротъ пѣхоты, сотни казаковъ и двухъ орудій. Впереди слѣдовали казаки, навьючивъ своихъ тощихъ лошадей съномъ елико возможно. Шагахъ въ 150 впереди ихъ ѣхали два офицера. Вдругъ приближаются къ нимъ два конныхъ черкеса и заводятъ съ ними разговоръ на нашемъ отрядномъ татарско-русскомъ діалектѣ. Такъ какъ подобныя встрѣчи и разговоры съ черкесами случались сплошь да рядомъ, то оба офицера наши, преспокойно продолжали себѣ ѣхать, не подозрѣвая со стороны горцевъ злаго умысла. Одинъ изъ офицеровъ, капитанъ Симчевскій, продолжая разговаривать, положилъ поводья на луку и началъ дѣлать папиросу. Вдругъ горецъ, ѣхавшій съ нимъ рядомъ, выхватываетъ изъ чехла винтовку и выстрѣломъ въ упоръ въ грудь сваливаетъ Симчевскаго съ лошади, хватаетъ ее за узду, между тѣмъ какъ другой горецъ готовился сдѣлать то же съ другимъ офицеромъ; но тотъ предупредилъ его покушеніе и даже остановилъ лошадь Симчевскаго. Горцы пустились на утекъ. Пока сотня собралась за ними погнаться, они доскакали до Бѣлой, переплыли ее, и слѣдъ ихъ простылъ. Такъ воровски убитъ былъ, въ виду цѣлой колонны, офицеръ, отличною храбростію заслужившій Георгія и много обѣщавшій въ будущемъ. Весь отрядъ отъ души сожалѣлъ о немъ.

Но не долго горюетъ кавказецъ, будь то по товарищу или по пустому карману. Опять началась веселая, лагерная жизнь. И въ правду: весело жилось тогда въ лагерѣ; погода стояла отличная; утромъ рубка съ перестрѣлкой, вечеромъ шумъ,

говоръ, пѣсни съ сопровожденіемъ кларнета и тулумбаса, этихъ добрыхъ товарищей кавказскаго солдата, всегда способныхъ разгонять его печали и воспоминанія о минувшихъ опасностяхъ дѣя. Офицерство или составляло пульки, или рассказывало изъ баталіона въ баталіонъ и засиживалось далеко за полночь тамъ, гдѣ встрѣчалъ его радушный глюевейнъ.

Въ половинѣ декабря почти весь верхне-абадзехскій отрядъ перешелъ въ Майкопъ, а оттуда двинулся вверхъ по Бѣлой. На Ханской остались только рота саперъ и три баталіона пѣхоты. Служа въ одномъ изъ нихъ, я долженъ былъ остаться у Ханскаго брода и вынести одну изъ самыхъ скучныхъ кавказскихъ стоянокъ. Нашему небольшому отряду было довольно много дѣла: мы строили постоянный мостъ черезъ Бѣлую— работа очень трудная для солдатъ, которымъ, при наступившихъ холодахъ и дождяхъ, приходилось по цѣлымъ днямъ вбивать сваи въ дно рѣки. На лѣвый берегъ, для прикрытія работъ, высылались небольшія команды пластуновъ, но перестрѣлки прекратились, такъ какъ горцы частію послѣдовали за отрядомъ, частію, не слишкомъ долюбливая холодную погоду, разбрелись по домамъ. Только пикеты ихъ оставались на тѣхъ же мѣстахъ и, прикрывшись бурками, грѣлись у костровъ, что намъ было хорошо видно. Иногда развѣ какой-нибудь байгушъ, отъ нечего дѣлать, примется дразнить пластуновъ, выставляя имъ изъ-за горы свою папаху—шутка, на которую пластуны рѣдко попадались. Кромѣ постройки моста, мы доканчивали ровъ и валъ для будущей станицы, заготавливали для нея лѣсъ, конвоировали колонны въ Майкопъ и въ Бѣлорѣченское укрѣпленіе, занимали одною ротою посмѣнно промежуточный постъ, бывшій на полдорогѣ между Ханскимъ бродомъ и Майкопомъ, и проч. и проч.; однимъ словомъ, исполняли самыя тяжелыя и скучныя кавказскія работы. Къ тому же насъ захватила на этой позиціи такая суровая зима, какой не запоминали старожилы; при сильнѣйшихъ холодахъ, бывали частыя мятели, отъ которыхъ единственнымъ спасеніемъ служили бараки и землянки. О палаткахъ и помину не было: при первыхъ же холодахъ все наше лагерное населеніе, подобно кротамъ, принялось рыться въ землѣ, и вскорѣ лагерь нашъ обратился въ маленькій городокъ. Бараки, особенно офицерскіе, попадались очень хорошіе, хотя ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ въ длину болѣе семи шаговъ, а въ вышину былъ на столько,

чтобъ человѣкъ порядочнаго роста не принужденъ былъ наклоняться, рискуя, иначе, ступнутья головою. Но за то какъ любили мы наши барабаны! какъ тщательно старались мы придать имъ возможный комфортъ, а особенно теплоту, хотя печи наши, по большей части, жестоко дымили!

Такъ провели мы скучно и однообразно все время до 20-го февраля. Только разъ ходили мы въ набѣгъ на черкесское сѣно, котораго громадное количество было собрано около Бѣлорѣченскаго укрѣпленія. вмѣстѣ съ нами участвовали въ набѣгѣ драгуны и казаки; часть сѣна свезли въ Бѣлорѣченское, другую сожгли. Горцы намънисколько въ томъ не препятствовали и не сдѣлали даже ни одного выстрѣла.

20-го февраля, послѣ обѣда, послышались кларнетъ и тугумбасъ, вѣчные спутники кавказскаго солдата. Съ радостію выскочили солдатки наши изъ землянокъ. Весь станичный валъ мигомъ усѣялся ими и офицерами. На всѣхъ лицахъ выражалось удовольствіе: привѣтствуя прибытіе боевыхъ товарищей, вмѣстѣ съ тѣмъ привѣтствовали мы и окончаніе скучной стоянки, такъ какъ уже заранѣе извѣстно было, что у Хановой соберется большой отрядъ, который, подъ личнымъ начальствомъ графа Евдокимова, долженъ былъ двинуться за Бѣлую.

Постепенно стянулись къ станичной оградѣ сперва отрядъ полковника Горшкова, потомъ отрядъ полковника Геймана. Пріѣхалъ и графъ Евдокимовъ со своимъ штабомъ. Сразу картина измѣнилась: скучная, монотонная Ханская позиція оживилась; разбились палатки, запылали костры, около которыхъ, въ котелкахъ, варился скромный солдатскій ужинъ, гудѣлъ тугумбасъ, заливался кларнетъ, барабаны сзывали писарей и адъютантовъ въ штабъ, а потомъ адъютанты скакали въ разныя стороны, развозя приказанія. Вечеромъ мы, офицеры, собрались въ бараки у одного имянника и долго за полночь толковали о предстоящей экспедиціи. Знали мы важность ея и другъ передъ другомъ составляли все болѣе и болѣе замысловатые планы.

Еще было темно, когда мы, 21-го числа, стали переходить Бѣлую по постоянному мосту. Операнія эта потребовала довольно времени, такъ какъ отрядъ собрался большой, слишкомъ 20 баталіоновъ, которые, постепенно переходя мостъ, подымались, по колесной дорогѣ, по направленію къ Пшекъ и, занявъ пространство версты на пять отъ Ханской, дружно при-

нялись за рубку лѣса и за проложеніе удобныхъ спусковъ. Въ первый же день горцы успѣли доказать, что они не намѣрены дать намъ спокойно заниматься нашимъ дѣломъ. Партія ихъ съ гикомъ бросилась въ шашки на 19-й стрѣлковый баталіонъ, но, принятая съ фронта и фланга огнемъ цѣпи, предпочла поскорѣе дать тягу, и послѣ того нѣсколько дней непріятель насъ не тревожилъ. Вообще абадзехи держались совсемъ другой тактики, чѣмъ шапсуги и лезгины. Эти бывало цѣплыми днями не даютъ намъ покою: то и дѣло слышится трескотня ихъ выстрѣловъ. Ночью стоило зажечь свѣчу въ палаткѣ, какъ тотчасъ же прожужжитъ по сосѣдству съ нею пуля. Абадзехи же, бывало, по нѣсколькимъ днямъ сряду оставляли насъ въ покоѣ; потомъ, собравшись недалеко отъ цѣпи, совершивъ полуденный намазъ и воспламенившись ревностію къ своему пророку, подкрадывались незамѣтнымъ образомъ къ нашей цѣпи, чему способствовалъ мелкій лѣсъ, густо поросшій кустарникомъ, и съ гикомъ бросались на нее въ шашки. Стремителенъ былъ ихъ натискъ и много надо было имѣть не только храбрости, но и хладнокровія, чтобъ не дрогнуть при такомъ бѣшенномъ нападеніи. Изступленное гиканье абадзеховъ производило на нервы непріятное ощущеніе, котораго передать нельзя.

Но кромѣ сюрпризовъ, со стороны абадзеховъ, сдѣлала намъ и Бѣлая такой сюрпризъ, какого мы вовсе не ожидали. Съ 20-го февраля погода измѣнилась: вмѣсто прежнихъ жестокихъ морозовъ, вдругъ хватила оттепель, и глубокій туманъ покрылъ горы и лѣса—дурной знакъ. Но Бѣлая, когда мы ее переходили, еще держалась, скованная льдомъ. На другой же день, утромъ, насъ разбудилъ ужаснѣйшій шумъ со стороны рѣки; мы побѣжали туда, и что же представилось нашимъ глазамъ: Бѣлая страшно бурлила, ломала ледъ, въ мутныхъ, грязныхъ водахъ ея неслись балки, доски и другіе обломки нашего моста. Увы! отъ *постояннаго моста*, какъ самоувѣренно величали его саперы и инженеры, не осталось ничего, кромѣ одиноко и уныло стоявшихъ свай. Вода поднялась до самаго мостоваго полотна, отдѣленнаго отъ уровня ея покрайней мѣрѣ аршина на четыре, и сняла его такъ, какъ сильный вѣтеръ сдуваетъ фуражку. Только фуражку, въ такомъ случаѣ, стараешься всячески прикрѣпить къ головѣ; инженеры же, отно-

сительно пологна, вѣроятно, нашли это лишнимъ, понадѣявшись на его прочность и высоту надъ уровнемъ воды.

Интересную картину представляли въ это время оба берега Вѣлой: съ одной стороны столпились повозки и вьюки, намѣревавшіеся переправиться въ лагерь за провіантомъ, сиртомъ, овсомъ и проч. и съ грустію смотрѣвшіе на бурную рѣку, разстроившую ихъ намѣренія. Съ другой, вполне сочувствовали имъ каптенармусы, въ отчаяніи бѣгавшіе по берегу, изыскивая всяческія средства снабдить свои роты всемъ нужнымъ. По обоимъ берегамъ толпились кучки солдатъ и офицеровъ, испытывая на дѣлѣ пословицу: „видитъ око, да зубъ неймае“. Вѣлая была здѣсь шириной сажень 40 или 50; но не поздоровилось бы тому, кто вздумалъ бы какимъ бы то ни было способомъ переправиться черезъ нее: стоявшимъ по обѣимъ сторонамъ оставалось только перекрикиваться между собой. — „Наркизовъ — кричалъ офицеръ съ этой стороны своему деньщику — пришли табаку да рому.“ — „Эй, Сидоровъ — горланилъ солдатъ съ того берега товарищу — мотри, полшубка маго не промочи!“ — „Селивановъ — изъ себя выходилъ артилерійскій фейерверкеръ — овса пришли, овса: лошадямъ ѣсть нечево.“ — „Петровъ, зачѣмъ ты кисеть мой съ собой захватилъ?“ кричалъ солдатикъ, оставшійся въ лагерьѣ и укорявшій ушедшаго въ экспедицію товарища за то, что тотъ лишилъ его возможности покурить табаку изъ любимаго кисета. И много, много было крику съ обѣихъ сторонъ, но все: шумъ и ревъ разъяренной рѣки покрывали большую часть криковъ, и развѣ только вылетавшіе изъ особенно-сильной груди были слышны на противоположномъ берегу. Саперы придумывали, какъ бы возстановить сообщеніе, но ничего придумать не могли. Придумать же что-нибудь надо было непременно: положеніе отряда было далеко незавидное. Выступая изъ Ханской, мы взяли провіанта всего на два дня; шли съ вьюками, имѣя самое незначительное число повозокъ, а на вьюкахъ многого не унесешь. Если бы не нашли способа переправить нашъ провіантъ, мы просто рисковали помереть съ голоду. Уже солдаты доѣли свои сухари, офицеры истратили захваченные съѣстные и курительные припасы, лошади положительно голодали, питаясь только старой травой, которую, и то въ самомъ маломъ количествѣ, удавалось выгребать изъ-подъ снѣга, когда, наконецъ, изъ двухъ каюковъ, занесенныхъ рѣчкой и прибитыхъ къ берегу, удалось кое-какъ устроить

паромчикъ и на немъ стали понемногу перевозить въ отрядъ самые необходимые припасы. Доставлялось ихъ лишь на столько, чтобъ люди и лошади не погибли съ голоду. Нечего сказать, пріятно было тогда въ отрядѣ: стояли бивуаками безъ палатокъ; костровъ почти нельзя было жечь, такъ какъ нарубленные бревна отсырѣли, а по землѣ текли во всѣ стороны ручьи и стояла вода отъ быстро-растаявшаго снѣга. Спать не на чемъ: тюфяки, что захватили съ собой, промогли; стали дѣлать изъ хвороста подстилки и на такихъ-то кроватяхъ, перекусивши сухаремъ, ложились отдыхать отъ дневныхъ трудовъ, да и то еще не всегда. По причинѣ близкаго сосѣдства большихъ партій, ночью выставляли цѣлые баталіоны въ цѣпь, передъ которой ложились, въ мокромъ снѣгу и въ грязи, секреты. Да, любителямъ комфорта не совсѣмъ-то было весело. Хорошо, что такихъ мало на Кавказѣ! И однакожь, несмотря на всѣ лишения, говоръ, смѣхъ и шутки не умолкали между голодными и промокшими солдатами и офицерами.

Горцы были на столько любезны, что когда Вѣлая подарила насъ такимъ сюрпризомъ, не причинили намъ ни одной непріятности. Только когда сообщеніе было кое-какъ возстановлено, они сдѣлали второе нападеніе, именно 25-го февраля. Большая партія ихъ бросилась на цѣпь пѣшаго линейнаго казачьяго баталіона, опрокинула ее и потомъ кинулась въ пашки на казаковъ, таскавшихъ бревна для моста, и принялась рубить ихъ. Дѣло было почти на ровномъ мѣстѣ, а потому артилеріи удалось ловко угостить смѣльчаковъ, подбѣжавшія же къ казакамъ подкрѣпленія заставили горцевъ убраться поскорѣе; они не успѣли даже подобрать своихъ тѣлъ. Въ этомъ дѣлѣ раненъ былъ полковникъ Монбелли, командиръ казачьяго баталіона; однако, невзирая на полученную рану, онъ привелъ въ порядокъ смутившихся казаковъ и способствовалъ успѣшному исходу дѣла. Здѣсь мы имѣли случай видѣть, до чего доходитъ фанатическая ненависть горцевъ: одинъ старый черкесь, тяжело раненый, лежалъ на спинѣ, оставленный своими. Къ нему подбѣжалъ солдатъ и наклонился поднять его. Грозно свернули глаза старика, и, не могши ни приподняться, ни схватить оружія, онъ сталъ кулакомъ грозить солдату, который, обидѣвшись такою невѣжливостію, приколотъ фанатика штыкомъ.

27-го было самое жаркое дѣло. Партія, человекъ въ тысячу, подвралась къ кавказскому гренадерскому стрѣлковому

баталіону, разсыпанному въ цѣпь и прикрывавшему людей Кубанскаго полка, занятыхъ рубкою. Пользуясь чащею, въ которой и за тридцать шаговъ ничего не было видно, горцы пробрались незамѣтно и бросились всей массой, съ оглушительнымъ гикомъ, въ шапки на одну изъ ротъ гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, въ то самое время, какъ офицеры этой роты принялись закусывать. Черкесы дали залпъ, положили одного изъ офицеровъ, прапорщика Бѣлицкаго, и стали рубить стрѣлковъ, между которыми было много солдатъ 18-й дивизіи, только что прибывшихъ на укомплектованіе баталіона и еще ни разу неучаствовавшихъ въ дѣлѣ. Солдаты дрогнули и бросились за бывшую позади нихъ засѣку; оставшіеся же старые солдаты, челоуѣкъ 60, дрались до тѣхъ поръ, пока часть ихъ не положили; уцѣлѣвшіе тоже отошли за засѣку, унеся съ собою ротнаго командира, поручика Байкова, тяжело раненаго. Одного офицера и нѣсколькихъ раненыхъ рядовыхъ не успѣли вынести. Горцы, увлеченные успѣхомъ, устремились частію за засѣку, частію на другую роту стрѣлковъ; но въ этотъ моментъ, по тревогѣ, подоспѣли кубанцы, остальные роты гренадеръ и прочія подкрѣпленія, и, послѣ непродолжительной рукопашной схватки, непріятель показалъ тылъ. Наши далеко преслѣдовали горцевъ, которые бѣжали такъ прытко, что побросали не только своихъ убитыхъ и раненыхъ (не до нихъ ужъ было), но, чтобы облегчить самихъ себя, снимали съ себя папахи, оружіе, чевяки. Кромѣ десятка слѣдшкомъ тѣлъ, они оставили въ нашихъ рукахъ до двадцати лошадей. Стрѣлки вернули своихъ убитыхъ и раненыхъ, большею частію сильно изувѣченныхъ. Прапорщика Бѣлицкаго, котораго стрѣлки не успѣли отнести, нашли совершенно раздѣтаго; платье и часы, бывшіе на немъ, горцы утащили, нанеся ему, кромѣ полученной имъ въ колѣно раны пулею, еще двѣнадцать шашечныхъ ранъ по голоуѣ и по рукамъ. Онъ вскорѣ умеръ. Въ смерти его, конечно, никто не обвинить стрѣлковъ: сила солону ломить, а когда на одного приходилось по десяти, то, при всемъ желаніи, не было возможности вынести раненыхъ. Стрѣлкамъ удалось однако спасти своего любимаго ротнаго командира. Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли трехъ офицеровъ и до 30 нижнихъ чиновъ. Почти все это число пришлось на долю кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона.

Отрядъ продолжалъ затѣмъ спокойно рубить просѣку къ

Шехъ и въ началѣ марта вернулся въ Ханскую станицу, откуда большая часть его ушла въ Майкопъ и далѣе, вверхъ по Вѣлой, усмирять и выселять горцевъ, жившихъ между Вѣлой и Фарсомъ.

Раненый незадолго передъ тѣмъ, я не могъ участвовать ни въ этой, ни въ послѣдующихъ экспедиціяхъ, и принужденъ былъ покинуть Кавказъ.

Кто служилъ на Кавказѣ, тотъ испыталъ на самомъ себѣ, что не въ силахъ боеваго человѣка не вспоминать съ удовольствіемъ объ этомъ краѣ. Всѣ опасности, всѣ лишенія, всѣ нужды забываются при одномъ имени Кавказъ... Невольно затрепещетъ сердце, и въ воображеніи воскреснетъ жизнь беззаботная, веселая, полная самыхъ разнообразныхъ ощущеній и превратностей.

ГОМБОРСКІЙ.